

Глава 12

В его сознании будто зияла пустота, словно из мозаики прошлого вырвали самый важный фрагмент. Юноша отчетливо помнил, что нефритовая подвеска исчезла, когда провинция Цзиньюнь пала под натиском врага. Но вот что странно: он совершенно не мог припомнить, где находилось это украшение в течение целого года до того рокового дня. Такого просто не могло быть, ведь подвеска — память о матери — была для него величайшей драгоценностью.

Ещё эта Призрачная орхидея. Он помнил, что заботливо выращивал её, но зачем? Он никогда не питал слабости к подобным изысканным увлечениям, считая их пустой тратой времени. В памяти теплилось лишь смутное воспоминание: он хотел подарить цветок кому-то особенному... Но кому? Это имя стёрлось, исчезло, оставив после себя лишь горький привкус недосказанности.

Казалось, из его жизни вычеркнули человека, и из-за этого вся цепочка событий распалась на бессвязные звенья. Но почему он не замечал этого раньше? Почему ни разу не задумался ни об орхидее, ни о подвеске, которую так берёг?

Если бы этот внезапно появившийся незнакомец не заговорил о таких вещах, Чао Цы, возможно, никогда бы о них не вспомнил.

«Как странно»

И тут в его сознании всплыло имя. Цзинь Яо.

Он вспомнил, как в первый день после приезда во дворец старший брат, Чао Цзюэ, как бы невзначай спросил его, куда подевался этот самый Цзинь Яо. Чао Цы тогда лишь растерянно моргнул — он и понятия не имел, о ком идёт речь. Откуда ему было знать судьбу незнакомца?

Выражение лица брата в тот миг стало весьма причудливым. Он переспросил с нескрываемым сомнением:

— Ты совсем не помнишь Цзинь Яо?

— Разумеется, нет, — уверенно ответил тогда юноша.

Он решил, что брат что-то перепутал, и, поскольку имя было ему совершенно чуждо, тут же выбросил этот разговор из головы. Прошло несколько месяцев, и если бы не эта встреча, он бы ни за что не выудил ту беседу из пучины забвения.

Теперь всё сходилось. Слова этого человека могли оказаться правдой.

Они наверняка были очень близки. Во время бегства они, скорее всего, были неразлучны, иначе старший брат не задал бы тот вопрос. Что же касается их брака... здесь Чао Цы пока не спешил с выводами.

Однако, глядя на Цзинь Яо, он чувствовал странное беспокойство. В груди нарастала глухая, тягучая боль.

— В твоих словах есть смысл. Возможно, мы и впрямь когда-то были хорошо знакомы, — юноша решил быть честным. — Но ты утверждаешь, что мы женаты. Однако, глядя на тебя, я не чувствую ни капли радости.

Цзинь Яо непроизвольно сжал пальцы — кончики их стали ледяными.

Эти слова словно перенесли его на полгода назад, в тот день, когда он покинул своего возлюбленного. В тот день он пленил Чао Цы и собственноручно заставил Сымина стереть его память.

Он помнил, как юноша рыдал, умоляя его остановиться. Как он, с покрасневшими от слез глазами, выкрикивал обвинения: по какому праву он смеет красть его воспоминания?

Последнее, что Чао Цы сказал ему тогда, было: «Я ненавижу тебя».

Чао Цы сказал, что ненавидит его.

Правая рука мужчины невольно сжалась в кулак, на бледной коже отчетливо проступили вены.

Собеседник бросил на него быстрый взгляд и непроизвольно отшатнулся. Этот человек был необычайно красив — холодный, возвышенный облик... Но почему в одно мгновение он стал таким пугающим?

«Неужели мы всё-таки враги? И теперь он хочет прикончить меня, чтобы замести следы?»

Напуганный собственными догадками, Чао Цы поспешно воскликнул:

— Живо отпусти меня! Меня ждут!

— Ты о Цяо Пэе? — голос мужчины походил на холодный горный источник, в его низких тонах скрывалась ледяная угроза.

— Да... именно, — юноша кивнул, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

Этот парень осмелился называть императора по имени, не прибегая к титулам. Он явно не был простой фигурой. Юноша попытался отступить еще на шаг, но обнаружил, что прижат к стене. Идти было некуда.

— Слышал, вы уже связаны обещанием? — мужчина медленно надвигался на него, пока не загнал в ловушку, нависая сверху. Его взгляд был невыносимо холодным.

Чао Цы почувствовал, как кончики его ушей предательски запылали:

— Да, это так. И что с того?

Ситуация была более чем странной, но при упоминании их отношений с императором Чао Цы невольно смутился.

Он не ожидал, что в глазах незнакомца в тот же миг вспыхнет багровое пламя ярости. Юноша мгновенно умолк, охваченный страхом.

Цзинь Яо всматривался в лицо Чао Цы, мысленно очерчивая линии его бровей и изгиб губ. В груди невыносимо колело. Даже когда Сымин сообщил ему, что Чао Цы и этот смертный Цяо Пэй сошлись, он не хотел в это верить, пока не увидит всё своими глазами. Его маленький дурачок так сильно любил его раньше... как он мог измениться всего за полгода?

Но теперь юноша не только признал это, но и покраснел. Он и раньше был таким застенчивым: стоило чуть дольше задержать на нем руку или позволить себе лишнюю ласку, как он краснел на добрых полчаса... Но теперь этот румянец предназначался другому.

Всё тот же облик, что и полгода назад, но сердце теперь принадлежало иному.

— Этот Цяо Пэй прекрасно знал, что ты уже женат на мне, но всё равно соблазнил тебя. И такого человека... ты любишь?

— У тебя нет никаких доказательств нашего брака! Как ты смеешь так нагло клеветать на Цяо Пэя? — Чао Цы не на шутку рассердился.

Пусть его чувства к императору и не были пылкой страстью, а скорее глубокой благодарностью и привязанностью, он не был ветреным человеком. Цяо Пэй был так добр к нему, и юноша не собирался позволять какому-то незнакомцу осыпать его грязью без всяких на то оснований.

— Цяо Пэй присутствовал на нашей свадьбе и пил праздничное вино, как он мог не знать? — Цзинь Яо искажил губы в холодной усмешке. — Стоило мне явиться за тобой, как он, терзаемый страхом, запер меня в поместье Чао под домашним арестом. Нужно ли мне еще как-то «клеветать» на него после этого?

Чао Цы поджал губы, чувствуя нарастающее раздражение.

Даже если допустить, что он действительно забыл этого человека... на данный момент тот оставался для него абсолютно чужим. И если он всерьез поверит первому встречному, который принялся поливать Цяо Пэя помоями, значит, он просто круглый дурак.

— Поговорим об этом, когда у тебя будут доказательства! А сейчас — я ухожу! — юноша с силой оттолкнул мужчину и, не оборачиваясь, бросился прочь.

Цзинь Яо не стал его удерживать. Он лишь молча смотрел, как силуэт юноши постепенно растворяется в границах созданного им барьера.

Вырвавшись из хватки Цзинь Яо, Чао Цы обнаружил, что действительно находится в обычном переулке.

Добежав до поворота, он оказался в том самом месте, где остановился подождать императора. Оглядевшись по сторонам в поисках Цяо Пэя, он вскоре увидел его. Волосы государя были в беспорядке, он выглядел крайне встревоженным и спешащим.

Император только начал разговор с тайными стражами, как вдруг обнаружил, что юноша исчез. Другие тени, таившиеся в засаде, видели лишь, как фигура Чао Цы словно дрогнула и растворилась в воздухе.

Цяо Пэй был до смерти напуган. Он немедленно приказал своим людям прочесать всё вокруг, а сам метался по округе в поисках следов.

Живой человек стоял прямо за его спиной, под присмотром сотни глаз — как он мог исчезнуть в одно мгновение?!

Государь обыскал всё, что мог, и уже собирался поднять Департамент Имперского города, чтобы перекрыть столицу, когда один из тайных стражей доложил: юноша появился ровно на том месте, где исчез.

Увидев, что Чао Цы цел и невредим, Цяо Пэй наконец выдохнул:

— Куда ты пропал? Я обыскал всё вокруг!

Юноша указал на вход в переулок неподалеку:

— Да я был в этом закоулке. Ты что, не заглядывал туда?

Император перевел взгляд на переулок, и его зрачки непроизвольно сузились.

Исчезновение было внезапным, и Цяо Пэй резонно рассудил, что Чао Цы не мог уйти далеко. Его люди перевернули здесь каждый камень, а в этот злосчастный переулок заходили раз десять, но там не было ни души.

И теперь юноша утверждает, что был там всё это время?

— Ты уверен? — Цяо Пэй пристально посмотрел на него.

— Конечно! — Чао Цы удивился такой реакции. — Я только что оттуда вышел. Как я могу ошибаться?

Его собеседник поджал губы и некоторое время хранил молчание, прежде чем задать следующий вопрос:

— Но как ты мог исчезнуть у всех на глазах? И что ты делал в этом переулке?

— Сам в недоумении, — Чао Цы недовольно надул губы. — Там был какой-то странный тип. Он нес сущий бред: заявлял, будто мы женаты, и всячески тебя оскорблял. Я разозлился и ушел.

Услышав, что незнакомец называл себя мужем Чао Цы, император на мгновение замер.

Он быстро скрыл это мимолетное замешательство, так что обычный человек ничего бы не заметил. Однако юноша не был обычным человеком. Он знал Цяо Пэя почти двадцать лет и понимал его лучше, чем кто-либо другой. К тому же слова того мужчины заронили в его душу зерно сомнения; пусть внешне он и казался равнодушным, на самом деле он пристально следил за малейшим изменением в лице государя.

И он уловил эту тень беспокойства.

Сердце Чао Цы упало. Он осознал: незнакомец, скорее всего, не лгал.

Но по одному лишь мимолетному жесту судить было рано. Он подавил нарастающую тревогу, не выдав своих подозрений ни единым движением.

— Какая наглость, — отозвался Цяо Пэй. — В ближайшие дни постарайся не покидать дворец. Я велю Департаменту Имперского города во всём разобраться. Ты запомнил, как он выглядел?

— У него глаза феникса, высокая переносица... сам он высокий. В общем, он очень красивый, — Чао Цы помедлил и добавил: — Только пугающий какой-то.

Взгляд императора при этих словах потемнел. Он не выносил, когда юноша хвалил внешность того человека.

Ведь три года назад именно из-за этой красоты Чао Цы влюбился в него с первого взгляда.

<http://bllate.org/book/15361/1372903>